

УДК 341
ББК 67.911.14
Ш 16

А.М. Шадже,

доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: 89615970620, e-mail: alay_1968@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА В НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

(Рецензирована)

Аннотация. В статье подвергаются анализу подходы к изучению основных проблем имплементации норм международного гуманитарного права в национальное законодательство; освещаются подходы к выработке действенной системы мер обеспечения реализации имплементационных норм; исследуются проблемы соотношения личности (включая ее права и свободы) и международного права.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, права человека, источники права, имплементация, национальное законодательство.

A.M. Shadzhe,

Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty of the Adyghe State University, Maikop, ph.: 89615970620, e-mail: alay_1968@mail.ru

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS STANDARDS INTO NATIONAL LEGISLATION

Abstract. The paper analyzes approaches to the study of the main problems of implementation of the norms of international humanitarian law into national legislation. Approaches to the development of an effective system of measures to ensure the realization of the implementing rules are covered. The correlation of an individual (including the rights and freedoms) and international law is studied.

Keywords: international humanitarian law, human rights, sources of law, the implementation, national legislation.

Проблемы имплементации норм гуманитарного права трудно разделить на чисто теоретические и прикладного значения, так как наличие пробелов и противоречий в теории часто является причиной подобных упущений на практике. Примером тому может быть спорный вопрос о возможности и перспективе стандартизации института «прав человека», по поводу которого высказаны различные точки зрения в правовой науке.

Заслуживают внимания соображения академика Н.Н. Моисеева, который, предостерегая от переоценки значения реализации идеи достижения универсальности цивилизации, обращал внимание на отсутствие единых подходов к разрешению данной проблемы. С точки зрения Н.Н. Моисеева, «в разных условиях в разные времена разные общества находили и будут находить свою меру компромисса между свободой и равенством, соответству-

ющую конкретным жизненным реалиям. Какие-либо общие универсальные рецепты, годные для всех времен и народов, отсутствуют».

На это же обращает внимание И.И. Лукашук, подчеркивая, что международные пакты о правах человека не приняты большинством государств мира из-за цивилизационных различий, преодоление которых является весьма сложной задачей длительного характера, в процессе решения которой необходимо сохранить национальное наследие и национальную идентичность [7; 112].

Несколько иную точку зрения высказывает проф. В.А. Карташкин, который считает, что «согласно международным документам, имеющим всеобщий характер, права человека не зависят от воли государства, а являются «естественными» и «неотъемлемыми», принадлежащими каждому с момента рождения». А международные нормы, относящиеся к правам человека, утверждает В.А. Карташкин, «отражают общечеловеческие ценности, и поэтому они постепенно признаются развивающимися странами, многие из которых не принимали участия даже в их разработке. Подтверждением этого является ратификация Пактов о правах человека подавляющим большинством участников международных отношений и признание ими положений, содержащихся во Всеобщей декларации, в качестве обязательных обычных норм» [6; 102–103]. Стремление максимально учесть международные стандарты, создать механизм правового государства проявилось в положении Конституции РФ. Она воплотила в себе набор общепризнанных прав и свобод и предусмотрела механизм их реализации. Права и свободы человека не просто провозглашены в Конституции России в числе основ конституционного строя, в тексте закреплена особая категория прав и свобод, которые согласуются

с общепризнанными принципами и нормами международного права и гарантируются Конституцией РФ [9; 130].

Изложенное ранее свидетельствует, что существуют полярные оценки влияния глобализации на правовые системы и различные подходы (позитивного и негативного плана) к проблеме учета международного опыта при совершенствовании правового регулирования в сфере прав и свобод граждан.

Однако все это могло бы оставаться в лоне позитивной дискуссии, если бы наличие коллизий между столетиями складывавшимися идеологическими, религиозными культурными и иными представлениями не влекло за собой противоречие в реализации прав и свобод человека на практике, а иногда и их нарушение.

Такое положение дел не случайно. При анализе трудностей, связанных с сосуществованием разных культур, наукой выделено 12 практик, особенно вызывающих у представителей разных культур противоположную оценку. Из этих 12-ти 7, то есть более половины, касаются положения женщин в различных культурных сообществах. В их числе – женское обрезание; полигамия; браки в пределах запрещенных степеней родства; исламский запрет на участие девочек в совместном с мальчиками занятием спортом, плаванием; браки по договоренности и другие [8; 84].

Следующей проблемой является аспект выработки действенной системы мер обеспечения реализации имплементационных норм. Так, рассматривая влияние правового содержания норм международного гуманитарного права на процесс их реализации на внутригосударственном уровне, следует отметить, что по характеру нормативных предписаний и возможности их применения внутри государства в нем содержится два вида норм – самоисполнимые и исполнение которых

зависит от помощи национального права. Главным в содержании исполнимых обязательств (в том числе и в сфере прав человека) является то, что принятие соответствующего национального законодательства должно признаваться одной из фундаментальных обязанностей государства.

При этом национальное законодательство должно составлять основную часть от общего массива мер, принимаемых для гарантирования должной имплементации гуманитарного права, а применение гуманитарного права в большой степени зависит от эффективного включения его правил в национальное право. Поэтому главная цель, которая должна быть при этом достигнута, – полная согласованность национального законодательства во всех странах с международным гуманитарным правом, который по своему существу является неким образцом или стандартом.

Немаловажную роль имеет решение задачи по определению единого для всех государств полного перечня мер по имплементации международного гуманитарного права на внутригосударственном уровне, который мог бы быть использован в любом государстве, достаточно условно. Как справедливо отмечает исследователь [2; 180], национальный механизм имплементации норм международного права каждого конкретного государства обладает присущими только ему чертами, зависящими от особенностей внутренней правовой системы. Дело в том, что перечень этих мер по отношению к конкретному государству не будет совпадать, так как вопрос об отнесении тех или иных положений международного гуманитарного права к самоисполнимым нормам или требующим помощи со стороны национального законодательства в разных государствах будет решаться по-разному.

Так, в одних государствах международный договор становится ча-

стью национального права и, следовательно, действенным источником внутригосударственного права, на который ссылаются и на котором основываются национальные суды при разрешении споров (США, Франция, Бельгия, Нидерланды, Швейцария, Литва и др.).

В других государствах создается соответствующее законодательство, чтобы отразить юридические положения международного договора в национальных законодательных системах, используя более точные термины и адаптируя их к специфике своих внутренних законодательств. Например, в ряде стран восприятие норм международных договоров происходит путем принятия специального правового акта, например закона, в котором воспроизводятся положения договора; акта об обнародовании и т.п. (Великобритания, Канада, Израиль и др.).

В некоторых странах, хотя и немногих, должным образом заключенный международный договор имеет преимущество над национальным правом, включая конституцию (ФРГ, Италия, Греция, Туркменистан, Узбекистан). Другая часть государств признает примат международного договора над законом или их равенство между собой (Франция, Россия, США и др.) [5].

И в данной ситуации не обошлось без пробелов в теории имплементации норм права; а именно – отсутствие единых понятийных категорий в данной сфере. Так очень часто в правовой периодике термины трансформация, инкорпорация, имплементация часто подменяют друг друга, употребляются как синонимы. А вместе с тем данные понятия при подмене их смыслового значения могут иметь разные последствия. Так заслуживает внимание анализ В.Н. Гаврилова, который рассматривал теории трансформации (одним из главных признаков которой является необходимость приобретения нормами международного права силу

норм внутригосударственного права), инкорпорации (согласно которой международные нормы становятся частью внутреннего законодательства автоматически без издания норм внутригосударственного права), равноценными по отношению к теории имплементации, хотя, на наш взгляд, первые две категории являются ни чем иным как способом осуществления последней [1].

Однако важное здесь то, что подмена и использование данных теорий ведет к разным правовым последствиям; а именно – первые две теории включают в себя лишь процесс привнесения международных норм во внутреннее законодательство государств, а теория имплементации помимо вышеупомянутого включает в себя и способы реализации имплементированных норм. Таким образом, процедура имплементации норм международного права представляет собой органическое сочетание правотворческой (где это необходимо) и организационно-исполнительной деятельности в области реализации имплементированных норм. А это значит, что государства могут маневрировать в вопросе о применении той или иной теории, ссылаясь на научную обоснованность в своих интересах, и не всегда подкреплять процесс имплементации конкретными действиями, что по своей сущности и является его самым главным этапом.

Еще одной проблемой, вызванной к жизни процессами глобализации и связанной с рассмотренными ранее вопросами, является проблема соотношения личности (включая ее права и свободы) и международного права. В правовой литературе имеет место точка зрения, согласно которой государства добровольно отказываются от части своих суверенных прав в сфере защиты прав человека и передают их международным органам, наделенным полномочиями вмешиваться во внутренние дела таких государств.

В результате индивид становится непосредственно субъектом международного права наряду с государством, тем самым создается негласная «конкуренция» их интересов.

Актуальность этой проблемы существенно возрастает в последнее время в связи с расширением сферы международной правовой защиты прав и свобод человека, включая возможность обращения в Европейский Суд по правам человека. Члены государства, присоединившиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, признали юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной, и это означает, что судам законодательно предписано учитывать в своей деятельности прецедентную Европейского Суда.

В России перед правотворческими органами была поставлена задача совершенствования российского законодательства в соответствии с его прецедентной практикой. В связи с этим отечественной литературе появились мнения [3; 100] о признании судебной практики источником российского права; а, как известно, Россия принадлежит к странам романо-германского права. Таким образом, мы можем наблюдать, как сфера защиты прав человека «потеснила правовой суверенитет» государства.

Такие же закономерности наблюдаются и в странах англосаксонского права. Некоторые судьи высказывают мнение относительно того, что в английском праве можно наблюдать сложившуюся иерархию актов, в которой некоторые из них, такие как Акт Европейских Сообществ, принятый в связи с вступлением Англии в Евросоюз, или Европейский Акт по правам человека, выступают в роли своего рода конституционного закона и, соответственно, образуют такую отрасль права как конституционное. Таким образом, по мнению многих правоведов, прямо или косвенно имплементация норм гуманитарно-

го права порой идет в разрез с публичными интересами различных государств.

Но здесь справедливо замечание Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина, «права и свободы, в том числе прирожденные, не могут реализовываться без дееспособной политической власти, т.е. вне государства как политического сообщества народа, связанного правом и общей целью. Это обуславливает необходимость поиска оптимального решения в определении баланса между ценностями публичного характера, с одной стороны, и частными интересами – с другой. И право на этом пути должно жестко регламентировать соблюдение баланса интересов, способствовать гармонизации» [4; 31].

При решении этой важнейшей проблемы следует учитывать объективно существующее противоречие между всемирным процессом глобализации и потребностью государств сохранить собственную идентичность.

В этой связи заслуживает внимания позиция В.Д. Зорькина, полагающего, что роль права и состоит в том, чтобы найти гармоничное сочетание национальных и глобальных интересов при очевидной необходимости, с одной стороны, осуществлять постоянную корректировку национального законодательства в соответствии с международно-правовыми стандартами, которые признаны в соответствующих международных договорах, с другой – отстаивать в законодательстве новые специфические национальные интересы, которые соответствуют закрепленным в законодательстве коренным национальным интересам.

Следовательно, речь может идти не о механическом копировании международного, западного опыта по вопросам правового регулирования в области прав и свобод граждан, а о выработке «политической и правовой толерантности в международных отношениях» при учете традиционно сложившихся национальных особенностей.

Примечания:

1. Гаврилов В.В. Международный механизм контроля за имплементацией универсальных актов о правах человека // Московский журнал международного права. 1995. № 4. С. 24–37.
2. Дзыбова С.Г. Общие закономерности имплементации норм международного права в национальное законодательство // Вестник Адыгейского государственного университета. 2010. № 2. С. 180–185.
3. Дивин И.М. Судебная практика как источник современного права России // Закон. 2011. № 4. С. 97–102.
4. Зорькин В.Д. Верховенство права и конституционное правосудие // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 31.
5. Калугин В. Механизм имплементации международного гуманитарного права на внутригосударственном уровне // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2000. № 1.
6. Карташкин В.А. Уважение прав человека и невмешательство во внутренние дела государств // Советское государство и право. 1974. № 6. С. 117.; Международная защита прав человека (Основные проблемы сотрудничества государств). М., 1976. С. 102–103.
7. Лукашук И.И. Глобализация и право // Государство и право. 2005. № 12. С. 112.
8. Основные тенденции развития российского права в условиях глобализации / под ред. С.В. Полениной // Государство и право. 2004. № 7. С. 84.
9. Парасюк Е.А. Формирование гражданского общества в России в 90-е годы XX века: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2005. С. 130.

References:

1. Gavrilov V.V The international mechanism of monitoring the implementation of the universal human rights acts. / V.V. Gavrilov // Moscow Journal of International Law. 1995. No. 4. P. 24–37.
2. Dzybova S.G. General regularities of implementation of international law into national legislation / SG Dzybova // Bulletin of the Adyghe State University. 2010. No. 2. P. 180–185.
3. Divin I.M. Judicial concept as a source of modern law in Russia / I.M. Divin // Act. 2011. No. 4. P. 97–102.
4. Zorkin V.D. The rule of law and constitutional justice / V.D. Zorkin // Journal of Russian Law. 2005. No. 12. P. 31.
5. Kalugin V. Implementation mechanism of international humanitarian law at the national level / V. Kalugin // Belarussian Journal of International Law and International Relations. 2000. No. 1.
6. Kartashkin V.A. Respect for human rights and non-interference in the internal affairs of states / V.A. Kartashkin // the Soviet state and the right. 1974 No. 6. S. 117.; International protection of human rights (The main problems of cooperation). M., 1976. P. 102–103.
7. Lukashuk II Globalization and the right / II Lukashuk // State and Law. 2005. No. 12. P. 112.
8. 8. Main trends in the development of Russian law in the context of globalization / ed. by S.V. Polenina // State and Law. 2004. No. 7. P. 84.
9. Parasyuk E.A. The formation of the civil society in Russia in the 1990s: Diss. Cand. Jurid. sciences / E.A. Parasyuk. St. Petersburg., 2005, P. 130.